

УДК 882

МЕТАФИЗИКА ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ В ОДНОИМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ САШИ ЧЕРНОГО

© 2014 М.А. Жиркова

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 28. 09. 2013.

Аннотация: Статья посвящена поэтическому циклу Саши Черного «Война» (1923), обозначены особенности изображения человека на войне. Подробно анализируются стихотворения «В операционной» и «Легенда», являющиеся композиционным центром цикла, благодаря которым сквозь описание военных будней начинает просвечивать метафизический смысл войны.

Ключевые слова: поэзия, цикл, пространство, повседневность, строфа, рифма, хорей, дольник, звукопись.

Abstract: The article is devoted to the poetic cycle Sasha Cherny "War" (1923), marked features of the image of man in war. Detailed analysis of the poem "In the operating room," and "Legend", acting as a compositional center of the cycle by which through the description of the realities of war begins to shine through the metaphysical meaning of the war.

Keywords: poetry, cycle, space, everyday life, verse, rhyme, ferrets, dolnik, sound texture.

С самого начала Первой мировой войны Саша Черный находится в составе действующей армии. Из комментариев его биографа и исследователя А.С. Иванова известно, что поэт в 1914 году был призван вольноопределяющимся и назначен заведующим формированием военно-лечебных заведений, отправлен на фронт в составе Варшавского сводного полевого госпиталя № 2 [5, 447]. Другой исследователь, Л.А. Спиридонова, дополняет: госпиталь попал в жестокие бои под Ломжей и бомбардировки в Варшаве, и Саше Черному пришлось изведать все тяготы фронтовой жизни, расплатившись за это впоследствии жестокой депрессией [12, 170]. Добавим: участь его несколько облегчилась лишь к началу 1916 г., когда он был переведен в Псков в 18 полевой госпиталь, а в начале 1917 г. – в псковское Управление военных сообщений [7, 12].

Война нашла свое отражение как в поэзии, так и в прозе Саши Черного. В центре нашего внимания – поэтический цикл «Война», вошедший в третью книгу стихов «Жажда», изданную в 1923 г. в Берлине.

Открывает цикл настоящий гимн, утверждающий господство войны на земле – «Песня войны», написанная от первого лица, от имени ее главной героини. Это песня радости и веселья от упоения кровью, человеческой болью, смертью. Война – царица, которая правит всем и всеми, а люди каждый раз поставляют ей новую пищу: «Еще жирнее мой обед, / Кровавая уха...» [13, 27]. Она «бессменный гость» на этой земле. Мир – лишь временное явление, ложь, человеческий самообман. В «Песне» дана краткая история войны от «дубья» к пушкам.

Человеческие зверства прошлого на фоне современных военных достижений кажутся всего лишь репетицией перед настоящей бойней, когда «Миллионы рук из года в год / Льют пушки и броню...». Все поглощает и над всем господствует война. Она диктует правила, она подчиняет себе человека, обесмысливая его жизнь и устремления. Открытый эмоциональный финал – призыв: «Вперед!», т.е. к войне – венчает все стихотворение.

Поэтический цикл представляет различные этапы восприятия человеком войны, взаимоотношения с ней. Почти с документальной точностью описано пребывание человека на войне. Как пишет А.С. Иванов: «В сугубо прозаических, почти документальных зарисовках с натуры (сборный пункт, этап, постоянная квартира, разгрузка вагонов, постирушка на привале, операционная) предстает будничная изнанка войны» [6, 9].

Нет здесь и победоносных боев, зато есть несостоявшейся атака, когда противники, сойдясь на поле боя, вдруг «пошли назад»:

*Орут, грозят, хрипят,
Но две стены ни с места –
И вот... пошли назад,
Взбивая грязь, как тесто.*

*Весна цвела в саду.
Лазурь вверху сквозила...
В пятнадцатом году
Под Ломжей это было («Атака») [13, 30].*

Бои под Ломжей вспоминаются участниками как одни из самых ожесточенных: «Шли страшные бои под Ломжей. Гвардейская пехота сгорала в них, как сгорает солома, охалками бросаемая в костер. Перевязочные пункты и лазареты были переполне-

© М.А. Жиркова, 2014

ны ранеными, и врачи не успевали перевязывать и делать необходимые операции. Отбирали тех, кому стоило сделать, то есть у кого была надежда на выздоровление, и бросали остальных умирать от ран за невозможностью всем помочь» [8, 14], – рассказывает в своих мемуарах Петр Николаевич Краснов, генерал-майор, командующий Донской казачьей дивизией во время первой мировой войны. Автор биографии М.Н. Тухачевского Б.В. Соколов также отмечает безысходность этих боев: «Развернулись тяжелые бои в районе польского города Ломжа. <...> В тех боях суждено было сгореть без остатка и роте Тухачевского. 19 февраля 1915 года Семеновский полк занимал позиции в лесу перед селением Высокие Дужи, расположенным на дороге между городами Ломжа и Кольно. Днем немцы атаковали окопы семеновцев после мощной артподготовки, но захватить их не смогли. Тогда ночью они предприняли внезапную атаку, прорвались в стыке двух рот и окружили 7-ю роту. В рукопашном бою она была уничтожена почти полностью. Оставшиеся в живых солдаты и офицеры попали в плен» [11, 37-38].

На контрасте с историческими свидетельствами обращает на себя внимание то, что Саша Черный принципиально уводит читателя от описания боев. Почему? Возможно, потому что бой может вызвать высокий эмоциональный подъем, сплывающее и окрыляющее чувство патриотизма, вселяющее готовность умереть за царя и отечество. Об этом как раз пишет в своих воспоминаниях П.Н. Краснов, передовая последние слова умирающего солдата: «Ах, как хорошо за Родину помирать» [8, 18].

Кроме этого, Саша Черный никогда не был военным человеком, для него любая война – это прежде всего трагедия, это искалеченные человеческие жизни. Поэт служил в госпитале и знал войну с другой стороны, ее последствия: ранения, боль, кровь, смерть. Не случайно центральное стихотворение – «**В операционной**», где и представлен настоящий ад, какой возможен на войне.

Цикл состоит из двадцати двух стихотворений. Обратим внимание на два стихотворения: «**Операционная**» и «**Легенда**», поставленные рядом, выделенные своим особым положением – центральным, а также изображением того чудовищного кошмара, той бесчеловечностью, какие только возможны на войне. Эта выделенность заметна именно на фоне остальных стихотворений, представляющих, как уже было сказано, повседневную жизнь, военные будни.

Самая страшная картина и самые скорбные строки запечатлены именно в стихотворении «**Операционная**»: «Там за белой дверью красный ад». Страх, терзания раненных сосредоточены в «тревно-скорбном взгляде», «Остром, жалком и зверином крике». Там «Нож визжит по кости...»,

«Осколки костей / Дико и странно наружу торчат...», «На полу безобразно алеет / Свежим отрезом бедро. / Полное крови и гноя ведро». Там даже нет человека, а есть «несчастное тело», «зловонное мясо». Крика, крови, гноя, человеческой боли и смерти не выдерживают сами работники госпиталя: «У сестры дрожит подбородок»; «Пскович-санитар отвернулся, / Голую ногу зажав неумело, / И смотрит, как пьяный, на шкаф...» [13, 34].

В стихотворении обозначены три пространственных локуса: коридор, мир за окном и сама операционная. Майский солнечный день только усиливает кошмар происходящего. Там – жизнь, здесь – смерть. Госпиталь оказывается своеобразной границей между жизнью и смертью, войной и мирной жизнью. Для раненых пребывание в госпитале – это и момент отдыха, передышки от войны. Сам госпиталь – место спасения, выздоровления и смерти, конечно, но все же семантика слова несет в себе положительный заряд: в переводе с латинского слово «госпиталь» – гостеприимный [10, 171]. Можно сравнить описание госпиталя, например, в стихотворениях «**Под лазаретом**», где воссоздается почти домашняя мирная обстановка, лишь упоминание о раненых в конце стихотворения возвращает к военным реалиям; или «**Сестра**», где наполненность дня повседневными заботами превращает их во что-то рутинное и несет с собой ощущение обыденного, повседневного, почти мирного.

В стихотворении «**Операционная**» представлен не весь госпиталь, а лишь его часть. Госпиталь не несет для раненых в себе той боли и тех страданий, на которые они обречены в операционной. Не случайно на дверь в это страшное для них помещение направлен «тревно-скорбный взгляд». Там не просто боль, но и искалеченные тела, отрезанные руки, ноги, обрубки вместо них. Поэтому и упоминаются отдельные части тела: глаза, кости, сердце, нога, бедро. Для раненных там – ад, красный, как сама кровь.

Это стихотворение выделяется и своей поэтической организацией. В нем четыре строфы, неравные по количеству строк, лишь первая строфа выдержана классическим пятистопным хореем, иногда перебиваемым пиррихием, с кольцевой и смежной рифмовкой. Такая выделенность во всем стихотворении делает строфу своеобразным вступлением, где дана «заявка» на страшную картину ада в операционной, и как контраст солдатские размышления и естественное желание жить:

*За окном играет майский день,
Хорошо б пожить на белом свете!..
Дома – поле, мать, жена и дети –
Все темней на бледных лицах тень* [13, 33].

Но даже в первой строфе в сильной позиции: ударные и рифмующиеся, оказываются одно-

сложные слова (*взгляд – ад, крик – штык, день – тень*), что заставляет звучать эту строфу, как и все стихотворение в целом, рублеными, отрывистыми фразами.

Последующие строфы, рисующие картину «красного ада», лишены четкого поэтического рисунка: появляется дольник; не всегда выдерживается рифма, особенно во второй строфе; разное количество стоп в строках; сами строки строятся на инверсии. Все стихотворение держится на отрывистом, сбивчивом ритме – пульсе, частые обрывы фраз в виде многоточий.

Четвертая строфа, являющаяся заключением, как будто уводит от крови и боли, выводит из палаты, даже из госпиталя:

Усталый хирург

Подходит к окну, жадно дымит папироской,

Вспоминает родной Петербург... [13, 34].

Но лишь на мгновение позволено выключиться из происходящего, разомкнуть пространственные границы госпиталя, заключительная фраза вновь возвращает к действительности: «Как дрова их сегодня несут, / Несут и несут без конца...»

Последняя строчка в стихотворении является ударной, нередко именно в ней сфокусирован итог размышлений. Выделена она и у Саши Черного. В семистрочной строфе стихотворения она оказывается «выключенной» из рифмующихся строк, к ней отсутствует рифмующаяся пара, появляется холостой стих. И вновь обрыв в финале стихотворения и многоточие: нет конца человеческой боли и страданиям.

Это стихотворение единственное во всем цикле написано нарочито дисгармонично; Саша Черный подчеркивает особое звучание этого стихотворения, намеренно разрушая поэтическую гармонию. Звукопись стиха построена на согласных: **ж, з, с**, передающих визг пилы и вызывающих ощущение почти физической боли у читателя / слушателя. Именно здесь, «В операционной», сконцентрированы все ужасы войны, боль и страдания, жизнь и смерть человека.

Следующее затем стихотворение «**Легенда**» усиливает ощущение ада. Ответом на людские страдания становится явление Христа на поле боя. Показательно само название стихотворения: сейчас, в настоящий момент воплощается легенда. По народным поверьям, на пасхальной неделе Христос ходит по земле [9, 383]. Пасхальный праздник – самый радостный, торжественный, движение которого направлено к чуду – Воскресению Христа. Человеческое сердце, душа в это время наполняются светом, радостью, любовью; праздничное настроение естественно совпадает с жизненным, биологическим ритмом человека: «пробуждением», обретением новых сил весной. Но в стихотворении Саши Черного наступление нового дня, растаявший туман вместо светлого, весеннего праздника обна-

жает военный пейзаж: «Сквозь бойницы чернели колючие сети, / И качался засохший бурьян».

Стихотворение вновь, как и предыдущее, представляет приметы смерти и ада: провалы окопов, черные колючие сети, засохший бурьян, жирный смрад, черные силуэты кружащихся ворон, темнота оврага, даже солнце дано через образы, рождающие картины огненной лавы («Там, где солнечный плавился склон»). Христос проходит по полю боя, где изранена, истерзана сама земля, и мертвый мир открывается перед Ним, отсюда его печаль: «... печально и тихо / Проходил одинокий Христос» [13, 34].

Герой Ф.М. Достоевского Иван Карамазов в своей легенде о Великом инквизиторе рассказывает о сошествии Христа на землю: «Он появился тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают его» [4, 226]. В стихотворении Саши Черного Христос остается неузнанным. Тишина сопутствует появлению Христа, как будто все замерло в ожидании чуда, но тишина взрывается карканьем взметнувшихся ворон и свистом «злых» пуль: «Злые пули дождем над святою мишенью / Засвистали с обеих сторон...». Война опустошает сердца людей, изгоняет любовь и веру, появляются жесточенность и сомнение, поэтому: «никто не узнал, не поверил виденью». Победивший свою смерть, Спаситель, оказывается, не может остановить страдания и гибель на земле, источником которых являются сами люди. Вместо любви и радости – неверие и озлобленность в сердцах людей на войне. Как пишет современный исследователь: «История о неузнанном Христе, проходившем по линии огня и обстрелянном с обеих сторон, должна показать, что в этой войне нет правых, а виноваты все» [1, 223].

Неузнанный Спаситель «растаял – исчез он над гранью оврага, / Там, где солнечный плавился склон». Чудо Воскресения на войне превратилось в убийство и изгнание Христа. Совершился великий грех. Значит, война – это мир без Христа, без смысла, без спасения, ад здесь, сейчас, на земле.

Эти два стихотворения («В операционной» и «Легенда») являются центром поэтического цикла. Если первое стихотворение рассказывает о том, что делает с человеком война, то второе – что совершает он сам. Но именно война виновна в тех изменениях, которые произошли с человеком.

Можно представить эмоциональное развитие цикла: открывает цикл ликующая радостная «**Песня войны**», вновь утвердившейся на земле и получающей свою кровавую жертву. В начале цикла и доминируют в различных сочетаниях **кровь и пыль, грязь и серый цвет**: кровавая уха, кровавый лед, кровавый дым, гвардейцы меднолицы, красный ад, серые птицы, ноги до крови натерты, пылица и жара, ныла грязь, взбивая грязь, наши серые когорты, пыль кружится, серые чехлы и т. д.

В некоторых стихотворениях цикла упоминаются библейские категории, связанные с пребыванием человека по другую сторону жизни, в мире смерти. Так, во втором стихотворении «**Сборный пункт**» появляется сравнение ожидающих оформления и отправки на войну людей с бледными душами чистилища, т. е. душами, находящимися между раем и адом, и искупающими своими страданиями земные грехи. Через сравнение, говорящее о посмертной судьбе человеческой души, входят предчувствие и страх смерти; не названные, не произнесенные пока, но витающие в самом воздухе, поселившиеся в сердцах людей. Возникает страшная, почти фантазмагорическая картина: грязь, «полумгла», запах человеческого пота, «дымной каши», плач. Почти картина ада на земле, при этом «ковчег-манеж» не спасает, как библейский, а только усугубляет атмосферу всеобщей катастрофы. Причем в этот момент люди только готовятся к отправке на войну, но они уже погружены в боль и страдание, чему способствует не только атмосфера сборного пункта, но и само предчувствие войны.

Сквозь изображение военных реалий начинает проступать метафизический слой текста. Вновь изображение ада неожиданно появляется в письме ребенка, нарисовавшего мир как круг, в котором тишина, «Сияло солнце и луна, / Среди роз гуляли пары», и войну по бокам этого круга как толпу чертей, «Зигзаги огненных плетей / И желтые пожары» («**Письмо сына**»).

Именно вслед за этим стихотворением мы попадаем в операционную, в настоящий, а не нарисованный ад. А затем следует «**Легенда**» о расстрелянном Христе. В итоге в центре цикла происходит фактически падение в ад: физически: взрыв боли и муки страдания («В операционной») и духовно: совершается великий грех, когда расстреливается Христос («Легенда»).

В стихотворении «**В штабе ночью**», следующим за «Легендой», сохраняется ощущение почти физического присутствия смерти: «Мертвым светом залит столик» [13, 35]. Военный штаб представляется сумасшедшим домом. Ночью, когда человеческие силы на пределе, когда восприятие наиболее обострено, рождается фантастическое видение: «Смерть, смеясь, к стеклу прильнула...». То ли сон, то ли галлюцинация измотанного человека: «Сердце падает и пухнет, / Алый шмель гудит в висках» [13, 35].

Но внутри цикла намечается выход, появляется свет, возможность жить. Даже в первой части цикла, до «Операционной» и «Легенды», в той части, где происходит погружение человека в войну, мелькают картины, принадлежащие иной, мирной жизни. Это связано с образами детей, живущих своей жизнью и по-своему воспринимающих

миров. На сборном пункте на фоне всеобщего ужаса и страха людей, призываемых на войну, выделяются дети, выпадающие из-под власти войны: «Вуглу – невинный василек – хохочет девочка с мальчишками» («**Сборный пункт**»), смеется детвора над неловкостью и неумелостью новобранца в стихотворении «**Репетиция**». Ад – это место, лишенное света [2, 15], но иногда в грязь, смрад, серость солдатских буден врывается небесная лазурь, зелень полей, цветущий сад, яркое солнце. Во второй части цикла намечается постепенный эмоциональный спад, который связан с грустью, опустошенностью, чувством подавленности человека на войне. Изображаются вновь изматывающие будни войны, но теперь на первый план выдвигается усталость от войны, тоска по дому, родным.

Человек сумеет выбраться из этого ада. Итог цикла – выход из-под власти войны, освобождение от нее, обретение радости жизни, что происходит в стихотворении «**На поправке**». Показательно название: акцентируется не ранение, а поправка, выздоровление. Само ранение, данное как факт в первом четверостишии, совсем уходит, главным становится – возвращение домой. Наслаждение тишиной и покоем становится главным содержанием:

*Целый день сижу на лавке
У отцовского крыльца.
Утки плещутся в канавке,
За плетнем кричит овца;
Тишина. Поля глухие,
За оврагом скрип колес... [13, 44].*

Начало и финал цикла соотнесены: ликующая радость войны в первом стихотворении и покой, умиротворение солдата, вернувшегося с войны в последнем. Бессмысленна и противостественна человеку, природе, жизни оказывается война. Радость войны ложна: человек прошел войну, преодолел ее, освободился от ее власти и готов к новой, мирной жизни. И тогда конец уравнивает начало: произошло обретение покоя, дома, семьи, что совершилось вопреки войне, и появляется Христос:

*Эх, земля моя Россия,
Да хранит тебя Христос!*

Четко выстроенная композиция цикла позволяет выделить основные моменты развития лирического сюжета: пролог – «**Песня войны**», завязка – «**Сборный пункт**», далее – развитие действия, обозначившее пребывание человека на войне. И развязка – «**На поправке**». Попробуем определить кульминацию цикла. По эмоциональной составляющей, центральному расположению стихотворений можно назвать несколько: например, «**В операционной**», «**Легенда**» или «**Отступление**». Но в них, как в фокусе, собраны боль, страдание, смерть, что противоречит

главной мысли цикла о противоестественности войны человеческой жизни.

Обратимся к статье Э.И. Гуткиной «Смысл и структура лирического сюжета», в которой рассматривается принцип «золотого сечения» по отношению к лирическому сюжету: для определения кульминации стихотворения необходимо количество строк умножить на число 0, 618 [3, 133]. Если перенести этот прием на лирический цикл, то таким кульминационным стихотворением оказывается «**Чужая квартира**». Кульминация – момент наивысшего напряжения сюжета, «напряженное равновесие «грусти» и «радости» в душе лирического героя» [3, 133]. Пребывание солдат в чужой квартире, одной из многих, позволяет на какой-то момент вернуться к мирной жизни в условиях войны. Островок тепла и уюта, пусть чужого, спасает и защищает. Множество архетипических образов наполняют это стихотворение: синий цвет, лира, дождь, сад, звезды, свеча, печка, хлеб, орехи. Практически все они несут положительные эмоции, связанные с жизнью, спасением и противопоставленные войне и смерти: синий – цвет божественно неба, знак вечности, лира – прославление Бога; дождь несет очищение; сад – идеальный мир, потерянный рай; звезды – знак божественности, вечности, надежды; свеча – спасительный свет во тьме, божественный свет; печка – живой согревающий огонь, спирт (вино) и хлеб – кровь и тело Христа, причастие, прикосновение к таинству жизни и смерти и т. д.

Так, в одном стихотворении обозначены одновременно два мира: враждебный (войны), находящийся за стенами квартиры, и мир тепла и уюта, пусть чужого дома, хрупкий, непрочный, но Дома, несущего спасение и исцеление, отдых и покой. Первый отступает на время, и тогда обнаруживается устремленность человека к свету и присутствие божественной благодати. Здесь вновь появляется образ ребенка – портрет пригостишки на стенке, который предлагают взять с собой как знак дома, семьи, мирной жизни. Именно это стихотворение становится переломным, после него намечается постепенное освобождение от войны в сознании человека. Происходит обострение тоски по дому, родным и близким, стремление к покою, стабильности, порядку в противовес бездомности, бесприютности, хаосу.

В начале цикла война – демоническое существо, несущее разрушение и смерть. Постепенное погружение человека в состояние войны ведет

его к пропасти. Но пока человек способен сочувствовать, сопереживать, хранить в сердце любовь к родным и память о доме, забывая себя, спасать других, остается шанс на спасение души, поработить человека, уничтожить желание жить войне не под силу. Ее вечное пребывание на земле оказывается самообманом. Человеческие устремления направлены на обретение спасения, покоя, Христа, что становится естественным итогом всего цикла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов С.В. Саша Черный // Литература русского зарубежья (1920 – 1990): учеб. пособие / Под общ. ред. А.И. Смирновой. – М. : Флинта; Наука, 2006.
2. Библийская энциклопедия. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
3. Гуткина Э.И. Смысл и структура лирического сюжета // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования. Материалы науч. конф. «Пушкинские чтения» / Под ред. Т.В. Мальцевой, Н.Е. Синичкиной. – СПб. : САГА, 2004. – С. 130-136.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. / Ф.М. Достоевский. – Т. 14. – Л. : Наука, 1976.
5. Иванов А.С. Комментарии / А.С. Иванов // Иванов А.С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции // Черный Саша. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М. : Эллис Лак, 2007. – С. 443-486.
6. Иванов А.С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции / А.С. Иванов // Черный Саша. Собр. соч.: в 5 т. – Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917-1932 / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М. : Эллис Лак, 2007. – С. 5-22.
7. Иванов А.С. Саша Черный. Библиография / А.С. Иванов. – Париж : Институт славяноведения, 1994.
8. Краснов П.Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии / П.Н. Краснов. – М. : Страстной бульвар, 1992.
9. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстр. энцикл. / Авт.: О.Г. Баранова, Т.А. Зиминова и др. – СПб. : Искусство, 2001.
10. Современный словарь иностранных слов. – М. : Русский язык, 1993.
11. Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала» / Б.В. Соколов. – Смоленск : Русич, 1999.
12. Спиридонова Л.А. «Смех – волшебный алкоголь». А. Черный // Л. Спиридонова. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. – М. : Наследие, 1999.
13. Черный Саша. Собр. соч.: в 5 т. / Саша Черный. – Т. 2 : Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. – М. : Эллис Лак, 2007.

Жиркова М. А. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы и русского языка Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
E-mail: manp@mail.ru

Zhirkova M.A.
A.S. Pushkin Leningrad State University. Associate Professor.
Department of Literature and the Russian Language.
E-mail: manp@mail.ru